кулинарное литературоведение

186

Журналист, этнолог, кандидат исторических наук, лауреат Литературной премии им. Н. Заболоцкого, постоянный автор «КА» продолжает одну из своих рубрик – «Кулинарное литературоведение» о хлебосольстве казанцев, об их сытной и вкусной кухне, изысканных и изобретательных угощениях...

Руслан Бушков

Радушные угощатели

Гостьям дорогим настроение поднимет этот парад. На стол поставлены чаши, в них сливки и мармелад.

Так повелось у татар издавна: появился гость в доме — для него накрывался, как в этом старинном баите, стол с лучшими угощениями. И начиналось его потчевание — кыстау.

«Негостеприимный человек – неполноценный», – считалось у мусульман. Не зря в ханской Казани умение угощать и потчевать возводилось чуть ли ни в степень искусства.

«Добро пожаловать, Саит-туган! Айда, проходи!» – приветливо встречает казанский базарбаши – начальник базара Нургали-ага своего гостя – купца Саита в романе татарского писателя Флюса Латифи «Измена».

«Нургали-ага взял со стола серебряный колокольчик, – рассказывается о щедрости и гостеприимстве этого хозяина одного из самых знатных домов Казани XVI века. – Мелодичный звон заполнил куполообразный свод дома. Слева и справа открылись двери, занавешенные шёлком. С одной стороны

187

вошли молодые угланы с серебряными кувшинами в руках, с другой выплыли красивые девушки, несущие на подносах ароматные яства.

«Не снится ли всё это?» – Саит огляделся, словно ещё не веря в происходящее.

Нет, это не сон. Подчиняясь жесту Нургали-ага, гости уселись на ковёр возле низенького стола. Угланы принесли узорчатые розовые кожаные подушки, на которые гости облокотились.

Стол был заставлен блюдами – и жареным и вяленым мясом, пряностями, липовым мёдом, тёмно-красным шербетом и ещё бог знает какими кушаньями, названия которых Саит даже не знал. Он побывал во многих странах, но такое изобилие видел впервые. «Да, умеет жить базарбаши, — подумал он. — Конечно, и в моём доме нет недостатка в еде, но куда там до стола базарбаши! Эх, увидела бы Гульезем!»

Саит всё ещё нерешительно переминался с ноги на ногу у порога великолепного дома, и Нургали-ага сам позвал его к столу:

 Ну, негоже тебе охранять мой порог. Проходи, садись за стол.

Базарбаши жестом показал свободную подушку:

Облокотись на тот мендар.

Саит не заставил упрашивать дважды: скромность тоже должна иметь предел».

Гостеприимство считалось одной из главных добродетелей у предков казанских татар — булгар. В полной мере это проявилось во время приёма посольства багдадского халифа булгарским царём Алмушем летом 922 года. Ещё в пути оно было встречено его сыновьями и братьями хлебом, мясом и просом. Для почётных гостей булгарский царь повелел поставить специальную юрту в своей летней резиденции. После отдыха посольства последовал его официальный приём в царской юрте.

«Цари сидели с правой его стороны, нас пригласили сесть слева от него, в то время как сыновья сидели перед ним, а он один сидел на троне, покрытом византийской парчой, – писал об этой церемонии секретарь посольства Ибн Фадлан. - Он велел принести стол с яствами, и он был подан ему. На нём было одно только жареное мясо. Итак, он начал – взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом отрезал кусочек и дал его Сусану – послу. Когда же он его получил, ему был принесён маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек... И таким образом это продолжалось, пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесён стол, и мы ели каждый со своего стола».

Хвалу гостеприимству воздавал выдающийся булгарский поэт XIII века Кул-Гали. С каким радушием принимает дорогих гостей герой его бессмертной поэмы «Кыйсса-и Йусуф»:

Отдельный был дворец обставлен

для гостей,

И яств им нанесли, и дорогих питей. Велели во дворце им добрых

ждать вестей, И сам везир гостям прислуживал теперь. Их сам везир привёл почтительно туда, Была им подана обильная еда, И наготове был везир при них всегда, Обслуживал он их с почтением теперь... И сыну повелел Йусуф: «О Мусалим! Всех обойди гостей ты с кубком золотым И кравчим будь при них, прислуживая им, И путникам почёт ты окажи теперь...»

В роскошных дворцах и домах ханской Казани приёмы следовали один за другим. И самый бедный казанец готов был нести большие расходы, чтобы достойно принять своего гостя. Обычай требовал, чтобы радушный хозяин сделал всё, чтобы гостю в его доме было легко и приятно. «Хозяин – слуга своих гостей», - считалось в народе, и надо было угощать их всем лучшим, что имеется в доме, следить за тем, чтобы они ни в чём не испытывали недостатка, поддерживать с ними приятный разговор - еда, как говорится, со вкусом, а застолье – за беседой. Гости же со своей стороны должны были проявлять покладистость, не задавать нескромных вопросов.

– Пусть льётся на тебя спасибо! – благодарили хлебосольного хозяина. – Пусть тебе придётся иметь дело только с добротой! Пусть ваш котёл будет полным!

О ты, фонтана щедрости алмаз! О моря счастья редкостный алмаз! –

воспевал гостеприимство в поэме «Лучи души» казанский поэт XVI века Махмуд Мухаммадьяр.

Искусство принимать гостя в те времена, когда он жил, согласовывалось с особым уставом, правилами и порядком поведения — юсык-юрыком, а также такими популярными на Востоке наставлениями на все случаи жизни, как «Кабус-намэ». Это на их основе впоследствии Каюм Насыри написал свою знаменитую «Книгу о воспитании» и составил особые правила «О принятии и угощении гостей».

«Когда к тебе придёт гость, выйди к нему навстречу, прими его ласково, с любезными словами и окажи ему уважение по его достоинству, - говорится в этих правилах. - Сладкие слова приятнее сладких угощений. Кто бы к тебе ни пришёл, друг или враг, будь к нему одинаково внимателен и любезен, пока он твой гость. Если к тебе придёт гость издалека, прикажи принести фруктов или ягод и поставь перед ним, если время летнее будет. Потом, поговоривши несколько времени, прикажи подать обед и предложи ему сесть за стол, дай ему лучшее место; сам же сядь пониже. Если твой гость из высокопоставленных, то вовсе не садись, покуда он тебя не пригласит сесть и вместе кушать. Будь внимателен, но не заставляй гостя кушать насильно, если он не желает, и не приставай к нему: это неприлично. Не намекай никогда гостю на то, что ты старался для него приготовить лучшее кушанье или что ты извиняешься, что оно не довольно хорошее. Эти пустые церемонии только стесняют гостя, и застенчивый человек способен уйти, не евши».

Гостеприимство на Востоке всегда ценилось дорого. Ведь не зря изрёк про-

рок Мухаммед: «Богатство заключается не в количестве товара, а в широте души». Из уст в уста передавалась в Казани приводившаяся Каюмом Насыри в его наставлениях юношам притча о том, как законы гостеприимства заставляли отменять иногда самые суровые приказы всесильных правителей. Сказывают, один великий эмир повелел казнить провинившегося слугу. Перед смертью тот обратился к своему господину: «О халиф! Ради Бога всемогущего и великого пророка прикажи дать мне глоток воды, прежде чем меня казнят!» Когда его просьба была выполнена, осуждённый произнёс: «Благодарю тебя, великий эмир! Да вознаградит тебя Бог! Я был твоим гостем, ты угостил меня водой. Если тебе позволено убить гостя, прикажи меня казнить; если же ты помилуешь, я покаюсь и больше никогда не впаду в прежние проступки». Грозному правителю ничего не оставалось, как ответить: «Действительно, ты был у меня гостем, и я прощаю тебя из уважения к гостеприимству; раскайся же и больше не греши».

Гостей было принято не только угощать, но и одаривать подарками. По обычаю и гость обязывался ответить взаимностью, и в народе говорили: «Кунак ашы – кара каршы», что значит «Гостевое угощение – взаимное».

В конце XVIII – начале XIX века, когда жил поэт Габдрахим Утыз-Имяни аль-Булгари, отмечавший:

Богачи порой друг друга любят угостить – С мёдом чай, блины и масло предложить.

Пригласить к себе гостя означало звать его на чай – чэйгэ чакыру. «Главное угощение татар – чай, которого надобно выпить не менее четырёх чашек, у небогатых татар – с мёдом, – писал одновременно с ним и первый бытоописатель татар К. Ф. Фукс. – Ставят на стол каймак, самые густые варёные сливки, малиновую пастилу и жареные тоненькие лепёшки. От всего этого надобно непременно отведать, но этим не кончится. Два или три татарина, вам даже не знакомые, дожидаются, чтобы

188

позвать вас к себе. Отговориться невозможно — отказом чрезвычайно их обидишь; равным образом, если в гостях не выпьешь три чашки чая и не поешь их десерта. Я несколько раз испытывал эту чайную пытку, имея до двадцати пяти чашек в желудке».

Жёны татарских купцов обычно приглашали подруг на вечерний чай. «Татарка, собирающаяся в пятом часу идти в гости, в женскую компанию, наряжается следующим образом: сперва моет всё своё тело, потом надевает новую чистую рубаху, натирает своё лицо очень густо белилами и самыми яркими китайскими румянами, всячески старается начернить брови, и особенно ресницы, чтоб глаза получили больше яркости; затем чернит зубы и обмывает ногти составом из персидского порошка, сделанного из бальзаминовых цветов, – писал К. Ф. Фукс. – После этого косметического пред татарским туалетом приготовления, наряжается она уже в своё праздничное платье и не забывает пустить несколько капель розового масла на грудь. Таким образом, отправляется она в повозке в гости».

В доме хозяйки гостью уже поджидал «кипящий двухведёрный самовар» и стол со «множеством тарелок десерта из разных сухих фруктов, привезённых из Бухарии, из Кяхты и из Ирбита».

Самовар и чай стали одним из главных атрибутов гостеприимства и русского населения Казани. «Считаю совершенно излишним говорить о роли чая в общественной и семейной жизни. как об одном из принадлежностей современного этикета даже среди народа, - не случайно высказался по этому поводу на одном из заседаний Общества казанских врачей в 1893 году В. А. Арнольдов. – Антихристова трава прежних времён в настоящее время сделалась божественным напитком, одним из спасительных средств военной гигиены и общественной трезвости, стремящихся путём открытия чайных парализовать склонность населения к алкогольным напиткам».

Действительно, было время, когда

чай предавался русскими анафеме. «Китайская стрела в сердце христианское вошла, сгубила всех до конца», «Кто пьёт чай, тот спасенья не чай», — чего только не говорили про этот напиток! Нелегко и не сразу завоевал чай расположение православных, у которых до него были свои пристрастия: мёды, брага и пиво.

«А коли один живёт человек и не очень богат, да запаслив, держит для гостя пивцо в запасе, в марте сварив переварки ячневой да подсытив её; и простое пивцо тоже есть, — говорится об этом ещё в Домострое XVI века. — Медку же сготовить к празднику и впрок сохранять во льду, засечь в нём медок и мартовское пивцо».

Одна из его глав специально посвящена тому, «как с домочадцами угощать благодарно приходящих в твой дом». «Если случится приветствовать приезжих людей, торговых ли, или иноземцев, иных гостей, званых лиц, богом ли данных: богатых или бедных, священников или монахов, - то хозяину и хозяйке следует быть приветливыми и должную часть воздавать по чину и по достоинству каждого человека, - даётся в нём совет. – С любовью и благодарностью, ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть, и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать. Если какие из них ждут в сенях или сидят на дворе - и тех накормить-напоить и, за столом сидя, не забыть высылать им еду и питьё. Если есть у хозяина сын или верный слуга, пусть бы и он присматривал всюду и всех бы почтил и добрым словом приветил, и никого б не ругал, не обесчестил, не опозорил, не высмеял, не осудил, чтобы ни хозяину, ни хозяйке, ни детям их, ни слугам не нанёс осуждения. А если гости или гостьи между собой разругаются – их унимать осторожненько, а кто уже не в себе – бережно проводить его ко двору его и от всякой драки по пути уберечь; признательно и благодарно, накормив, напоив, с честью и отправить — это и Богу дар, и добрым людям — в честь».

Принимать гостей в Казани умели! «Когда мы прибыли к этому городу, нас вышло встречать такое множество народа, смотревшего на нас с удивлением, что мы едва могли проехать по улицам и площадям, — отзывался о гостеприимстве казанцев в XVI веке в своих дорожных записках секретарь персидского посольства Орудж-бек Баят. — Мы пробыли в городе восемь дней, причём нас так обильно угощали, что кушанья приходилось выбрасывать за окно».

В ноябре 1638 года пришлось задержаться в Казани на пять недель в ожидании санного пути в Москву шлезвиг-гольштейнскому посольству, возвращавшемуся из Персии. После страны, где, по словам секретаря посольства Адама Олеария, «желая оказать всевозможную любезность, встречают гостей своих чаем», в доме дворянина Л. О. Юшкова его дочери Екатерина и Надежда «хорошо угощали» квартировавших у них немцев «калачами, пирогами, водкою, пивом и мёдом».

«Встретили приветливо и угостили молоком и хлебом» радушные татары из-под Казани побывавшего здесь летом 1669 года амстердамского путешественника Яна Стрейса.

В мае 1722 года на себе испытал широту казанского гостеприимства русский царь Пётр I, направлявшийся в поход на Персию. Он провёл в городе двенадцать дней — ревизовал местные учреждения, побывал в Татарской слободе, осмотрел весь город, съездил на развалины древнего Булгара. 30 мая в доме купца И. А. Михляева, где останавливался самодержец, чествовалось его пятидесятилетие. Начался этот день для юбиляра тем, что он лично заложил первый камень под будущий Петропавловский собор, а потом состоялся праздничный обед из десятков перемен блюд.

Множество слуг, с поклоном царю в пояс, вносили на золотых блюдах «па-

оадушные угощатели

порок лебедин под шафран с взваром; ряб, искрошенный под лимоны; потрох гусиный и гуся жареного; порося жаркое; курю в калье с лимоны, в лапше и во щах богатых; карасей с бараниною; перепечу крупичатую; курник подсыпан яйцы; пироги с бараниною; пироги кислые с сыром; жаворонки; сырники; блины тонкие; хлебы ситные». Сперва ели блюда из мяса и рыбы, затем - горячее, потом жаркое, за которым шли пирожное и фруктовые сласти. В промежутках между жидкими блюдами подавались пироги, в течение всего обеда разносились вина – греческое «бастр» и рейнское красное. А вечером в честь царя город озарила иллюминация. Казанское чествование Петра I легло впоследствии в основу пьесы А. П. Славина «Гаврила Михляев», написанной в 1848 году и поставленной на сцене Александровского театра Санкт-Петербурга.

В конце мая 1767 года в Казани гостила императрица Екатерина II. «По всей дороге приём мне был весьма ласковый и одинаковый, только здесь ещё кажется градусом выше», – писала она в Петербург в сенат. Пять дней пребывания в этом, по её словам, городе, «который всячески может слыть столицею большого царства», оказались насыщены посещением кремля, Богородицкого монастыря, спектакля учащихся Первой Казанской мужской гимназии, Татарской слободы. И везде – «весьма чинно» происходившие встречи, обеды и ужины в честь царицы и даже маскарад в Дворянском собрании. Принимали её везде так, что она чувствовала себя здесь «весьма хорошо, и истинно как дома». Восхищённая гостеприимством казанцев, Екатерина II повелела называть впредь её «казанской помещицей». По душе ей пришлось и хлебосольство татарских купцов - она сняла все запреты на постройку в городе каменных мечетей.

Память о Казани Екатерина II сохраняла долго и не раз вспоминала о ней при встрече с Г.Р. Державиным, в одно время состоявшим её кабинет-секретарём. Знаменитый поэт и сам слыл большим хлебосолом. Как потомок мурзы Багрима, любил он есть салму – татарскую лапшу. Для него гостепри-имный стол представлялся таким, на котором...

Шекснинска стерлядь золотая, Каймак и борщ уже стоят; В крафинах вина, пунш, блистая То льдом, то искрами, манят; С курильниц благовоньи льются, Плоды среди корзин смеются...

Г. Р. Державин по праву считался непревзойдённым мастером застольных здравниц:

Вот красно-розово вино, За здравье выпьем жён румяных, Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст багряных!..

Вот чёрно-тинтово вино, За здравье выпьем чернобровых. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст пунцовых!..

Вот злато-кипрское вино, За здравье выпьем светловласых. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст прекрасных!..

Вот слёзы ангельски вино, За здравье выпьем жён мы нежных. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст любезных!

Этот стихотворный тост был написан им в 1782 году. Может быть, он произносился и во время дружеских застолий в последний его приезд в Казань через два года. Во всяком случае, в Казанском обществе любителей отечественной словесности, почётным членом которого он состоял, это стихотворение было очень популярным.

Звучи, о арфа! Ты всё о Казани мне! Звучи, как Павел в ней явился благодатен! Мила нам добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен.

Эти державинские строки родились после посещения Казани в июне 1798 года императором Павлом, который здесь «нашёл много обходительных и просвещённых, а паче дам — и в самой Москве таковых мало находил». Остался он доволен и яствами, которыми его потчевали во время недельного пре-

кулинарное литературоведение

бывания под песни крепостных актёров домашнего театра местного помещика П. П. Есипова. Царь наградил нескольких партикулярных, то есть неофициальных, казанских поваров 20 рублями каждого.

«Гостеприимство местных жителей» немало изумило знаменитого немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта – этого, как его называли современники, «Аристотеля XVIII века», побывавшего в Казани в мае 1829 года. Он был гостем ректора Казанского университета Н. И. Лобачевского, профессоров И. М. Симонова и К. Ф. Фукса. В его честь был дан обед в доме попечителя учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина. Но самым памятным для него оказалось посещение татарского сабантуя. «Богатые татары разбили палатки и угощали нас в них всевозможными сладостями, сушёными абрикосами из Бухары, кедровыми орехами, чаем, кумысом, катыком, который мы пили здесь в первый раз», отзывался об этом сопровождавший А. Гумбольдта профессор-минералог Берлинского университета Густав Розе.

«Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам», — писал из Казани 8 сентября 1833 года жене в Санкт-Петербург А. С. Пушкин. Он собирал тогда материалы для «Истории Пугачёва», «Капитанской дочки» и искал встреч с местными старожилами, ещё помнившими отважного бунтаря. Одна из таких его встреч произошла в кабаке Суконной слободы, прозванном в народе Горловым, и собеседником поэта стал старый суконщик В. П. Бабин.

– Против Шарной горы, у Горлова кабака, поставлена была пушка – Пугачёв к горе пошёл лесом и, рассыпавшись по Арскому полю и по Третьей горе, ворвался в Казань, – рассказывал тот столичному гостю за кабацким пивом и чаем.

Конечно, встреча Пушкина с его другом, тоже поэтом, Евгением Боратынским, гостившим здесь у своего тестя Л. Н. Энгельгардта, не обошлась, как в стихах из сборника Боратынского «Эда» и «Пиры», без шампанского:

Как пылкий ум не терпит плена, Рвёт пробку резвою волной, И брызжет радостная пена, Подобье жизни молодой.

Накануне отъезда, 7 сентября, Пушкин завтракал в доме Л. Н. Энгельгардта, обедал у своего знакомого по Петербургу Э. П. Перцова, вечерний чай провёл у «профессора чайных дел», чаеторговца-миллионера Л. Ф. Крупенникова, а прощальный ужин — в доме А. А. и К. Ф. Фуксов.

А. А. Фукс рассказывала: «В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку со следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Боратынский ещё более». Напившись чаю, Пушкин и Карл Фёдорович поехали к казанскому первой гильдии купцу Крупенникову, бывшему в плену у Пугачёва».

Ужин в доме Фуксов, в обществе местных литераторов, состоялся в десять часов вечера. «Он просидел у нас до часу ночи и простился с нами, как со старыми знакомыми, — вспоминала А. А. Фукс. — Оставил нас не с притворным сожалением, сказав при прощании: "Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустного прощания"».

Рано утром 8 сентября, чтобы проводить друга, приехал Боратынский. Как раз в это время Пушкин писал письмо своей жене: «Здесь Боратынский. Вот он ко мне входит...» Путь его лежал в Оренбург.

В еде Пушкин не был особо привередлив, предпочитал простые домашние кушанья. Особенно любил он печёную картошку, кислые щи, гречневую кашу. Казанской кухней знаменитый поэт остался доволен. Покорило его и местное хлебосольство. В этом плане Пушкину действительно повезло — на всю округу такая слава шла о доме Перцова — душе казанского светского общества, литератора и журналиста. Это у него останавливался ежегодно в свои гастрольные приезды в Казань в 1830-е

годы великий русский актёр М. С. Щепкин

Дом Фуксов представлял собой гостеприимный литературный салон, в котором останавливались все приезжавшие в Казань знаменитости. «Когда знаменитые путешественники посещали Казань, – писал К. Ф. Фукс, – званы были мною, для любопытства и пестроты, а также ахуны, муллы и некоторые из первостатейных татарских купцов. Они охотно соглашались на моё приглашение и за столом ели только рыбное и молочное, не касаясь до мясного и не пили иностранных вин, а только мёд и шербет».

Конечно, не мог пройти мимо салона Фуксов и молодой англичанин Эдуард Турнерелли, автор известного альбома литографий «Виды Казани», изданного в Лондоне в 1839 году. Почти восемь лет он был преподавателем английского языка в Казанском университете, за это время сполна познал широту души казанцев, чтобы сказать, что нет «другого города на свете, где бы гостеприимство было более распространено и было бы притом явлением обычным, чем в Казани». «Если кто раз получил приглашение, то это навсегда, и предполагается с этого момента, что он будет приходить обедать, когда ему будет угодно. Хороший приём от этого радушного хозяина ему всегда обеспечен, - описывал он это гостеприимство в своей книге «Казань и её обитатели». Отправляешься на бал, который всегда заканчивается элегантным и блестящим ужином. Разъезжаются обычно после ужина, но у многих вас задерживают с такой настойчивостью, что рискуешь обидеть своих хозяев, если откажешься остаться долее. Это приводит к тому, что балы длятся далеко за полночь и редко когда выходишь оттуда в 5-6 часов утра. Разумеется, что после этого встаёшь около полудня, чтобы начать снова точь-в-точь то же самое, что делал накануне».

Ему довелось здесь также быть гостем генерал-губернатора С. С. Стрекалова, отведав «одну из лучших стерля-

дей» вообще в России, и посетить дом татарского купца Апакова, где «глазам предстали несколько столов, расставленных разными блюдами». «Такими, как торты, пирожные, конфеты, законсервированные фрукты – всё приготовлено по-татарски. Эти торты и пирожные были всех форм и видов, которые можно только вообразить, – отзывался Э. Турнерелли об этом посещении. – Другой стол был заставлен татарскими кулинарными изделиями, в основном то были сласти». «Любопытство заставило один за другим попробовать» сумсу, перемяч, чельпек, баурсак, коштеле, ляваш, лапшу, гульбанак, а также чак-чак - «состав из мёда и муки», леденцы «в форме лошадок, гитар, домишек, сердечек». Чай к ним был подан «в больших пиалах и бокалах». «И какой чай! Я никогда в жизни не пробовал такой восхитительный напиток. Аромат, исходивший от пиал, был настолько силён, что заполнил всю комнату. Нет такой страны, где бы так прекрасно готовили чай», – восторгался гость из Англии.

А потом в соседней комнате ждал ещё «татарский ужин» с супом-шурпой, «в котором плавало множество маленьких пирожков, называющихся пельменями», пловом «из варёной птицы и других компонентов, перемешанных с рисом и маслом», кониной — «роскошным деликатесом».

В своей изданной в Санкт-Петербурге в 1841 году книге Э. Турнерелли не боится утверждать, что «для тех, кто находит счастье жизни в хорошей еде и в празднествах, кто любит бегать по балам, делать визиты и принимать визитёров, для всех тех, наконец, которые, чтобы быть счастливыми, нуждаются в шумных удовольствиях, Казань — настоящее Эльдорадо».

Вот в такую Казань попал в апреле 1835 года писатель и журналист Александр Иванович Герцен, отправляющийся в ссылку в Пермь. «Но где же найдёшь в большом городе такое радушие, гостеприимство», – вопрошает и он, правда, не без иронии, в своих «Записках одного молодого человека», где

нашли отражение его казанские встречи. Ему была оказана честь быть приглашённым на званый обед в один из аристократических домов, куда собралось всё городское светское общество во главе с губернатором.

«Главное действующее лицо за обедом был доктор, — описывает обед А. И. Герцен. — Его все любили, и он всех любил. Это поколение родилось, выросло, занемогло, выздоровело при нём, от него; он не только знал их наружность, но знал внутренности — и ещё больше, нежели наружность, внутренности, — я заметил это по некоторым сардоническим взглядам, от которых пылали некоторые щёчки.

За обедом первый тост пили за здравие его превосходительства, с благоговейным чином вставши. Доктор сложил руки на груди и сказал: «Ваше превосходительство, ну могу ли я откровенно пить такой ужасный тост для меня?..» Все захохотали; чиновники качали головой, будто говоря: «Экий смельчак!»

Когда кончился обед со своими 26 блюдами и 15 тостами, все бросились к карточным столам. Барышни столпились в угол залы».

Конечно, в добродушном докторе легко угадывается К. Ф. Фукс, а казанским губернатором тогда был генераладъютант С. С. Стрекалов.

И богатые татарские купцы имели обыкновение приглашать губернатора и губернских чиновников к себе на чай. «После чая тотчас угощают их множеством разных фруктов, потом на закуску подают лучшую икру и разного рода рыбу, причём в изобилии льётся шампанское, которого, однако ж, сами хозяева не пьют, — замечал по этому поводу Карл Фукс. — Любые мелкие чиновники также пользуются подобным гостепримством татар и бывают им в тягость». В июне 1843 года на такое чаепитие к купцам — братьям Юнусовым попал немецкий барон Август Гакстгаузен.

«Комнаты, в которые нас ввели, были меблированы совершенно поевропейски: софа вместо дивана, стулья, столы, красивый китайский фарфор в шкафах за стеклом, два зеркала на стенах, - записал он свои впечатления в дневнике. – Около половины 12-го нам предложили завтрак, который состоял преимущественно из свежих и сухих фруктов: апельсинов, кедровых орехов, сушёных абрикосов, винных ягод, кишмиша, различной пастилы, желе и прочее. Затем подали хороший чай с ломтиком лимона в стакане и в заключение роскошную дыню. К этому не давалось ни хлеба, ни печенья – таков, вероятно, национальный обычай. Мы не отказывались ни от какой еды и питья, что было очень приятно нашим хозяевам, и они выразили это, протянувши нам по татарскому обычаю обе руки и пожимая наши».

На массу обедов, вечеров и балов приглашался во время недельного пребывания в Казани в сентябре 1858 года будущий автор трёхтомной книги по кулинарии французский романист Александр Дюма. Правда, тогда он был больше известен казанской публике своим запрещённым в России романом «Записки учителя фехтования» и тем, что одна из его героинь – Полина Гёбль, невеста кавалергарда И. А. Анненкова, по пути в Сибирь останавливалась в доме казанского помещика А. Н. Елагина. «Вся Казань узнала о моём прибытии, и благодаря русскому гостеприимству я не нуждался более ни в чём», отзывался сам А. Дюма о его приёме казанцами. Он был гостем управляющего пароходством «Меркурий», приглашался на чай и обед к ректору Казанского университета О. М. Ковалевскому. Писателю была устроена даже загородная охота, и А. Дюма вернулся с неё не без трофеев. «В Казани даже зайцы любезны», – острил он по этому поводу. Вернувшись в Париж, писатель издал в 1860 году книгу путевых заметок «По России». «Я не знаю путешествия более лёгкого и приятного, чем по России. Услужливость всякого рода, приношения всякого вида всюду сопутствуют вам: каждый человек с положением, офицер в чину или известный коммерсант говорят по-французски и тотчас же отдают в наше распоряжение свой дом, свой стол, свой экипаж», – писал он в ней не без восторга. Эти слова в полной мере можно отнести и к памятному для него пребыванию в Казани.

В декабре 1864 – январе 1865 года пышных приёмов в самых богатых казанских домах удостоился талантливый негритянский трагик из США Айра Олдридж. Казанцам он показал двадцать спектаклей, среди которых и запрещённый в Петербурге за сцену цареубийства «Макбет». Два десятилетия спустя, в июне 1886 года, так же радушно был принят казанским высшим обществом американский писатель и журналист Джордж Кеннан, возвращавшийся из поездки в Сибирь с материалами для своей будущей книги «Сибирь и система ссылки».

А известному русскому актёру Василию Андрееву-Бурлаку во время его гастролей в Казани всегда был уготован стол у местного полицмейстера Н. Х. Мосолова.

– Ну, теперь едем к полицмейстеру: Николай Хрисанович Мосолов, генерал, мой старый приятель. Едем! – произносил он, потирая руки, кому-нибудь из своих компаньонов после составления гастрольных афиш. В мае 1883 года таковым оказался В. А. Гиляровский, начинающий артист.

«В один миг были поставлены для нас два прибора на накрытом для одного хозяина столе, появилась селёдка, балык и зернистая икра в целом бочонке. Налили по рюмке», – вспоминал про приём у Н. Х. Мосолова, будучи уже известным журналистом, автором изданного в Казани путеводителя «Волга», сам В. Гиляровский.

И вот к соусу специально для молодого артиста полицмейстер вынимает из стола ложку:

– Н-да-с... Вы знаете историю этой ложки? Лет десять назад арестовали неизвестного агитатора с возмутительными прокламациями. Помнишь, это был 1874 год, когда они ходили народ бунтовать...

Конечно, эту историю В. Гиляров-

ский знал не хуже радушного хозяина, тем более что это была та самая ложка, свёрнутая им в тот злосчастный арест.

– Я его с собой за стол в кабинете усадил, – продолжал генерал. – Так он всю водку и весь коньяк стаканом вылакал. Я ему подливаю, думаю, проговорится...

А произошло вот что. Прогуливавшегося по Казани в ожидании отправки парохода в Астрахань В. Гиляровского полицейские приняли за агитатора и доставили в свой участок. Он попытался возразить, объяснить недоразумение, но тщетно. А тут допрашивавшему его полковнику денщик внёс завтрак. Тот оказался великодушным — предложил перекусить вместе.

«Я с жадностью ел селёдку, икру, съел две котлеты с макаронами, – рассказывал потом эту историю Андрееву-Бурлаку В. Гиляровский. – Принесли бутылку пива и кувшин квасу.

- Вам квасу?
- Нет, я пива. Петцольдовское пиво я очень люблю, сказал я, прочитав ярлык на бутылке».

После пива пили коньяк, чёрный кофе. А ночью арестант сбежал, оставив в память о себе скрученную ложку.

Андреев-Бурлак хохотал над этой историей, валяясь по дивану, целых полчаса.

Для Гиляровского это были последние в составе товарищества русских актёров театральные гастроли. После них, по его словам, он «закончил театральную карьеру и сделался настоящим репортёром». В редакциях казанских изданий его уже и так принимали «как столичного литератора и поэта», напечатавшего массу стихотворений в «целом ряде журналов и газет» — «Будильник», «Осколки», «Москва» и «Развлечения», и непременно угощали кофе.

А вот ученику младшего отделения 6-го городского начального училища Феде Шаляпину, впервые попавшему на спектакли именно этой труппы, судьба определила с этой поры стать артистом. «Я до глубины души был по-

трясён зрелищем и, не мигая, ни о чём не думая, смотрел на эти чудеса. Занавес опускался, а я всё стоял, очарованный сном наяву, сном, которого я никогда не видел, но всегда ждал его, жду и по сей день», — вспоминал он, уже став великим певцом. Испытать же «удовольствие пить кофе — напиток до того времени незнакомый» ему впервые довелось в Казанской уездной земской управе, куда его определил отец писцом после окончания училища.

Многие известные люди, приезжая в Казань, первым делом отправлялись в трактиры и рестораны при гостиницах и номерах: «Казанское подворье», «Булгар», Волжско-Камские номера, Сибирские номера, «Уральское подворье», «Волга», «Европа», «Франция», «Гранд-отель»... Их в конце XIX века насчитывалось в Казани свыше 50-ти. И почти при каждом из них – буфет и кухня, общий зал, ресторан или трактир для гостей. Роскошный обед ждал итальянского князя Боргезе – участника автомобильного супермарафона 1907 года Пекин – Париж в казанском отеле «Европа». В загородном ресторане «Русская Швейцария» избранная казанская публика чествовала героев авиационных недель 1912 и 1914 годов А. Васильева и Б. Россинского.

Турецкого визиря Хусейна Хильми-паши, остановившегося на два дня в апреле 1910 года в гостинице «Франция», вряд ли интересовали гостиничный ресторан и кухня – при нём находился домашний повар. Но вот пышный приём с великолепным чаем и лучшими татарскими угощениями в «Восточном клубе» растрогал его до глубины души, и в книге отзывов почётных гостей он сделал запись: «По приглашению единокровных братьев по вере я посетил Восточный клуб достопочтенного города шахри Казань. Хотя он недавно открылся, хочу пожелать ему в дальнейшем успехов под покровительством науки, просвещения и культуры».

Для путешественников, журналистов, многочисленных гостей Казань представлялась своеобразным волжским Иерусалимом, где происходило смешение религий, народов, культур. В начале XX века здесь проживало свыше 131 тысячи жителей, из них 115 тысяч были православными, 24 тысячи — мусульманами. их объединяла общая казанская черта — гостеприимство, или, как сказал местный журналист В.П. Невельский, «хлебосольство в высшей степени».

196